

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

В
М 222

Д. МАМИН-СИБИРЯК.

ЛУЧШИЙ
ДРУГ

20Е
ИЗДАНИЕ
Г. Ф. МИРИМАНОВА
МОСКВА 1926г.

1969

М 222

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Д.Н.МАМИН-СИБИРЯК

ЛУЧШИЙ ДРУГ

РИСУНКИ
А.Н.
КОМАРОВА

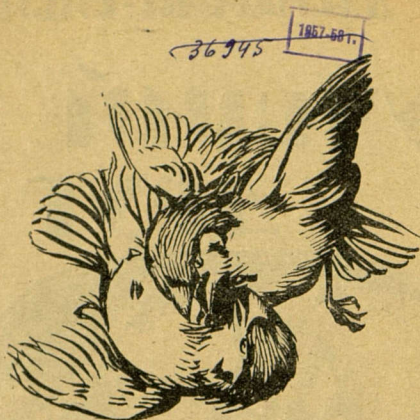
ИЗДАНИЕ
Г.Ф.МИРИМАНОВА
МОСКВА. 1925.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ ЧИТАЛНИ
ДЕТГИЗ

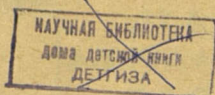
БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ
ДЕТСКОЙ КНИГИ

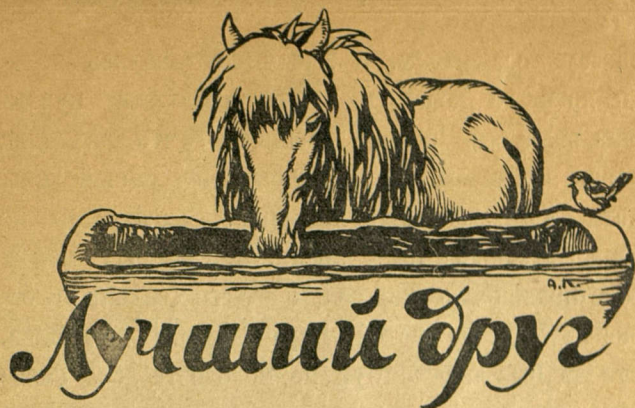
С70736 кх-ред.сб.

Российская государственная
детская библиотека

Издание Г. Ф. МИРИМАНОВА.
Москва, Плющиха, д. № 11, кв. № 17.
Телефон № 3-33-04.

Понимаешь, Карл Иваныч, я—твой лучший друг, — уверял бойкий воробей, забираясь в кормушку Карла Иваныча самым бесцеремонным образом.

Карлом Иванычем величали все старого иноходца. Иноходцами называются лошади за особенно быструю побужку, которая происходит от того, что они на ходу ставят ноги по-своему: левую переднюю ногу вместе с левой задней, правую переднюю с правой задней. При верховой езде иноходцы незаменимы, потому что они не трясут в седле, несмотря на самый сильный ход.

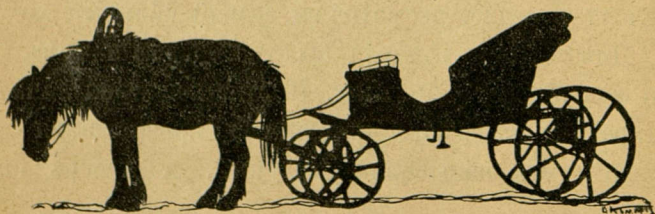
Когда Карл Иваныч был молод, его называли за малый рост Карликом. Потом, когда он начал стареть и из серого постепенно превращался в сивого, его называли Карлушей. А теперь он

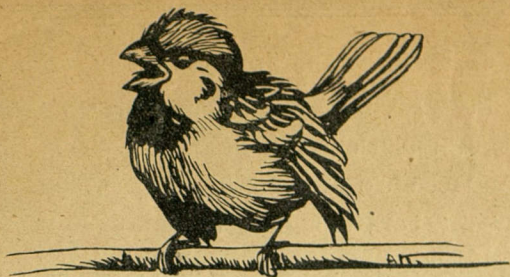

совсем состарелся, и серыми оставались только ноги до колен и куцый хвост, и кучера называли его Карлом Иванычем, что находили очень забавным. Карл Иваныч был умный конь, хотя и с большой хитрецей. Сказать проще: Карл Иваныч был ленив. Когда был молод, то старался изо всех сил, и все его хвалили за бешеный ход, но потом Карл Иваныч догадался, что он был просто глуп по молодости лет. Разве кого удивишь, хоть выскочи, для удовольствия кучера и хозяина, из собственной кожи?.. Люди хитрили, и Карл Иваныч хитрил. Когда его закладывали, особенно в тяжелый летний экипаж, он, конечно, весь с'еживался и уныло опускал голову.

— Это не лошадь, а свинья, — бранили Карла Иваныча кучера.

Когда хозяин Карла Иваныча был молод, он очень любил лошадей. В конюшне всегда стояло три лошади, и Карлу Иванычу было весело. Приятно, в самом деле, поржать, когда вам сей-

час же ответит сосед по стойлу, а еще приятнее побегать по двору вместе с другими, покататься в пыли и подраться.

Да, все это было, а потом хозяин состарелся и потерял всякую охоту к лошадям. Карл Иванович остался совсем один. И скучно делалось старику, обидно, когда кучер таскал у него овес.

— Продать бы, барин, Карла Ивановича!—советовали кучера.—Лучше купить новую лошадь, а то он напрасно только жрет овес...

— Ну, и пусть его ест овес,—отвечал хозяин.—Когда околеет, тогда и овса будет не нужно...

А воробей, когда Карлу Иваычу задавали овса в кормушку, очевидно, для насмешки пищал:

— Понимаешь, Карл Иванович, я—твой лучший друг!..

— Какой ты мне друг?—ворчал Карл Иванович, с трудом прожевывая овес.—Ты просто вор...

— Я?! Вор?!.

— Конечно, вор, потому что воруюсь у меня овес.

— Эге-ге-ге!.. Это другие воробьи, действительно, отчаянные воры, а я только из дружбы помогаю тебе с'едать твою порцию. Да, вредно тебе на старости лет об'едаться...

— Хорошо, хорошо, разговаривай... Про тебя и в песне прямо сказано: „вор-воробей“.

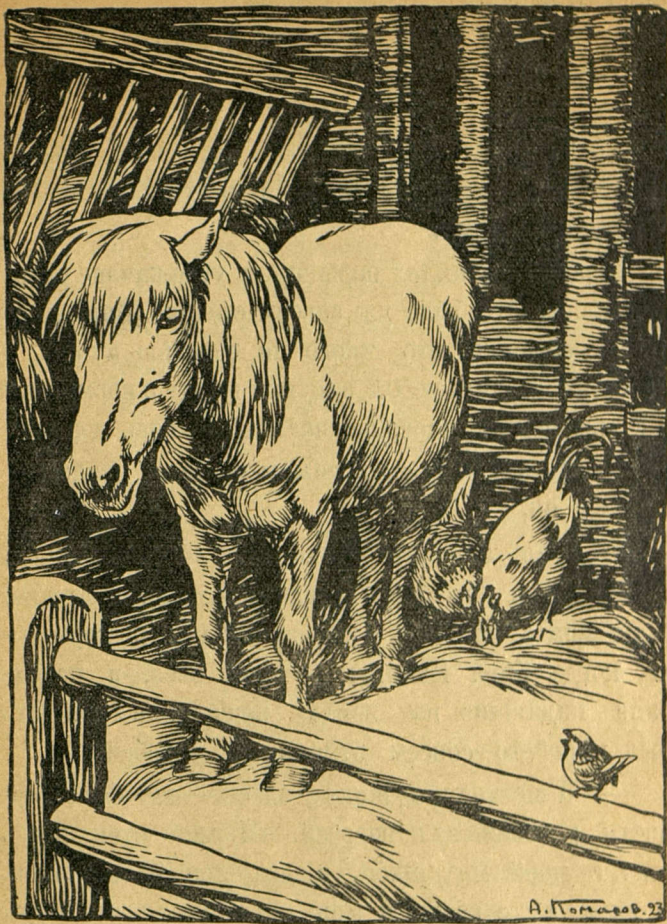
— Эх, Карл Иванович, Карл Иванович, дожил ты до старости, ничего не понимаешь. Тебя вот хозяин пожалел и прямо сказал, что будет кормить, пока не околеешь... Так? А кто нашего брата воробья пожалеет?.. Хоть двадцать раз околевай, и никому дела нет. Да и все так... Вот я тебя люблю, а ты меня вором величаешь. Эх, Карл Иванович, нехорошо!..

Карл Иванович слушал эту болтовню и жевал свой овес, зажмурив глаза, а воробей в это время тащил у него из-под носа самые лучшие зерна.

Откуда появился лучший друг Карла Ивановича — трудно сказать. Он точно из-под земли вынырнул. Раз кучер задал порцию овса, Карл Иванович подбежал к кормушке и увидел воробья, который преспокойно клевал зернышки. Карл Иванович мотнул головой, махнул куцым хвостом, прижал уши и сердито фыркнул. Но воробей не обращал на него внимания.

— Понимаешь, Карл Иванович, я — твой лучший друг!..

— Эй, брат! Куда ты залез?—сердито спросил Карл Иваныч.

— А ты куда лезешь?—смело и нахально ответил воробей.

— Да ведь овес-то мой...

— Тво-ой?.. Ты его, что ли, сеял? Проваливай, брат, пока цел, а то я шутить не люблю с вашим братом...

Воробей нахохлил перышки и угрожающе разинул клюв. Это было уж совсем смешно. Карл Иваныч сообразил, что много ли воробью нужно, и перестал сердиться. Он засунул морду в кормушку и с особенным удовольствием с'ел свою порцию.

— Да ты откуда, в самом-то деле, взялся?—спросил он.

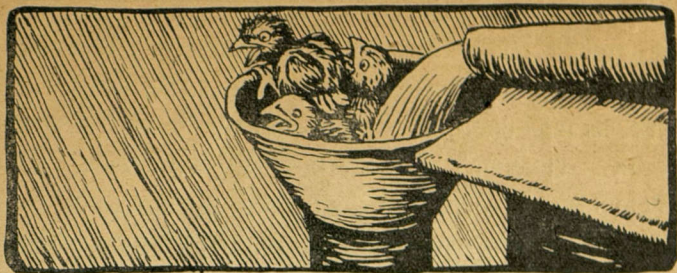
— Я-то? Да я постоянно здесь на дворе живу.

Воробьев на дворе жило не мало, и трудно было знать каждого. Они прилетали к кормушке, когда Карл Иваныч ел свой овес, и подбирали падавшие на землю зернышки. Но это был какой-то совсем отчаянный воробей.

— Я постоянно живу здесь,—не без гордости рассказывал воробей.—И мой отец здесь жил с моей матушкой, и дедушка с бабушкой, и дядя с тетками, и мои дети здесь же будут жить. Одним словом, наш дом спокон веку.

Дружба была заключена. Воробей умел болтать без конца, и Карл Иванович умел без конца слушать. Другие воробьи, поощренные примером, тоже хотели пробраться в кормушку с овсом, но Карл Иванович их прогонял и даже лягался. Он своего друга-воробья узнавал сразу среди всех остальных.

Когда наступила осень и сделалось холодно, воробей на ночь забирался в теплую конюшню и отлично здесь высыпался.

— Раньше я был молод и глуп...— рассказывал воробей.

— Вот-вот, как я...

— Ну, зимой холодно, я и свил себе гнездо в трубе... Тепла там сколько-угодно, только я чуть не задохся от дыма. Совсем скверная штука вышла... В другой раз, думаю, буду умнее и меня теплом не проведешь. Я взял и свил себе гнездо тоже в трубе, только в водо-

---

сточной. Ну, зиму прожил ничего. Все-таки хоть ветром не дует. А только наступила весна, начал снег на крыше таять, и я чуть не утонул со своей семьей. Вот тут и поживи, как знаешь... А тебе что: не жизнь, а масленица.

— Ну, не всегда... Вот если бы тебя стали подковывать,—другое бы запел. Потом, ты совсем не знаешь, что такое хлыст, особенно когда он в руках у кучера... да... Неприятно даже вспоминать. Тоже вот, когда зимой прямо в рот засунут холодные удила...

— Да, конечно, это все неприятно,—согласился воробей.—Но все-таки тебя твой хозяин кормит, а у меня такого хозяина доброго нет.

— Зато ты можешь лететь, куда хочешь. Вспорхнул и полетел, а меня добрый хозяин запрет в конюшню, и стой как дурак. Нет лучше житья, как вашему брату, птице.

— Захотел—полетел...—передразнивал воробей.—Разве я зря летаю? У меня везде дела... Целый день хлопочу за десятерых. Уж не говорю, что самому надо прокормиться, а главное—надо семью кормить... Сколько мошек переловлю, сколько червей,—не пересчитать.

— А кто по грядам горох у баб ворует?—подшучивал Карл Иванович.—Баба посадит гороши-

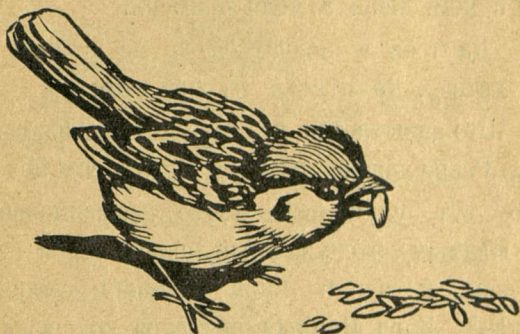

ну, а ты ее и выкопашь... Знаем мы твою работу. Не даром везде по огородам чучела поставлены...

— Что такое горошина? Горошина—пустяки... А вот ты лучше расскажи, как ленишься воду возить. Свинья-свиньей в оглоблях идешь... Смотреть смешно. А еще жалуешься на кнут... Небось, поголодал бы хорошенько, так вот бы как весело забегал.

От нечего делать друзья любили поспорить, и подолгу перекорялись между собой. Особенно отличался в этом отношении воробей, вообще отчаянный забияка и задира. Впрочем, зимою он делался смирнее и по целым часам сидел, нахлебавшись, где-нибудь на жердочке. Особенно у него зябли тоненькие, точно сделанные из проволоки ножки, и ему приходилось много и долго прыгать по двору, чтобы их согреть. Но

зато весной он превращался в настоящего буяна. С раннего утра начинал метаться во все стороны, отчаянно чиликал и на каждом шагу заводил драку с другими воробьями.

— Как тебе не стыдно драться?— уговаривал его Карл Иванович.

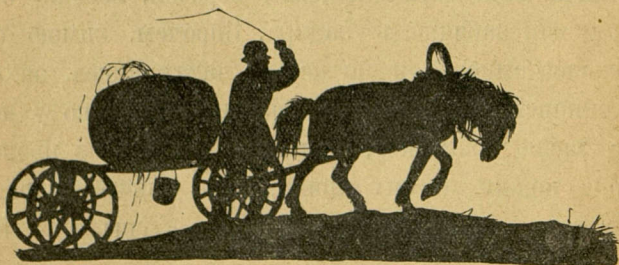
— А если меня все обижают?

— И не думал никто обижать... Не дерусь же я ни с кем. Бери с меня пример...

— Да тебе и подраться-то не с кем, если бы и хотел... Да и стар ты при этом.

— Это называется не старостью, а благоразумием... Разве хорошо драться? Ну, ты сам подумай!

Но тут случилось нечто необыкновенное... Карл Иванович, заслуженный, опытный и серьезный конь, и вдруг Карл Иванович подрался... И с кем? Карл Иванович подрался со своим лучшим другом—воробьем... Это было совершенно невероятное событие, которому никто не поверил

бы, если бы не были благородными очевидцами петух, две утки, дворовый пес Анчутка, скворец и все остальные воробьи.

Дело происходило так.

Воробей обиделся на Карла Ивановича, зачем он читает ему наставления.

— Что же, я, по-твоему, скверный воробей? защищал он, принимая грозный вид.

— Хорошего немного... — уклончиво отвечал Карл Иванович.

Это взорвало воробья. Птица серьезная, а тут прямо в глаза оскорбляют...

— Так я, значит, по-твоему, дрянь? А!?. — наступал он.

— Так себе... Хорош, когда спишь.

— А, так ты еще надо мной же и смеешься, старый хрен?!. Ты совсем выжил из ума, и кучер мало тебя колотил кнутом... Ты—самая негодная лошадь, какую я только в своей жизни видал! Никуда негодная лошадь!..

— А ты воришка, мой овес воруеть!..

— Слышите, слышите, что говорит эта старая кочерыжка?!—орал неистово воробей, обращаясь к собравшейся публике.—Я этого не позволю... да... Извините, я никому не позволю называть себя воришкой!! Я... я... я...

— Да, дело серьезное...—заметил петух.

— Значит, он и нас всех считает ворами, прибавили другие воробьи.

Воробей-забияка бросился, как сумасшедший, прямо Карлу Иванычу к морде. Карл Иваныч фыркнул и замотал головой.

— А, не любишь!..—пищал воробей.—Вот я тебе сейчас глаза выключю...

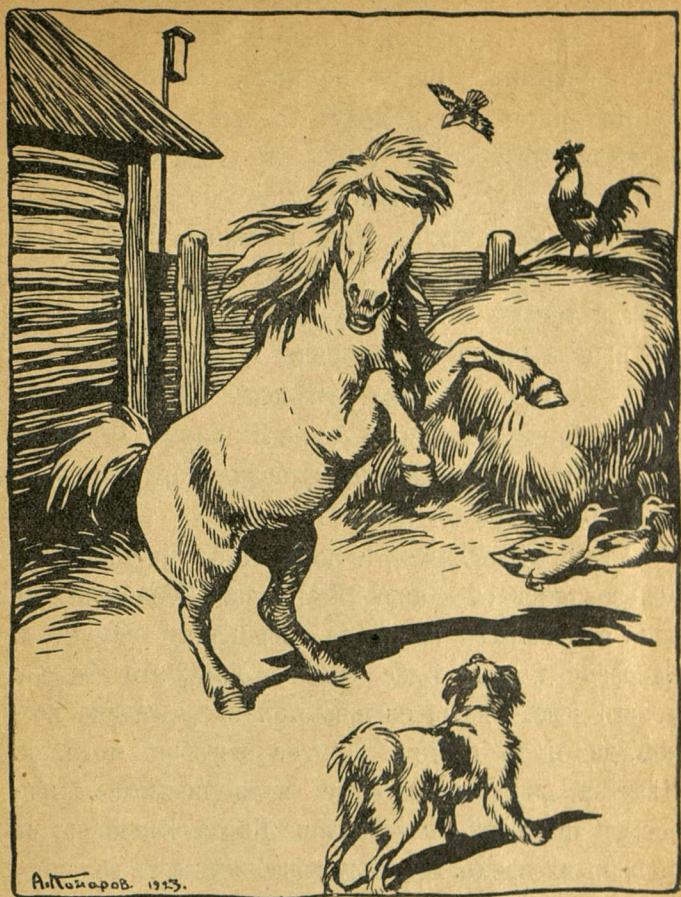
Карл Иваныч лягнул задней ногой. Воробей не унимался. Он сел Карлу Иванычу прямо на голову, и потом на ухо. Последнего Карл Иваныч не выносил. Он несколько раз лягнул обеими задними ногами, потом вышиб перегородку и бросился во двор, выделявая отчаянные прыжки. Воробей гонялся за ним, стараясь сесть на уши. Получалась самая ужасная картина. Все хохотали над взбесившимся стариком до слез.

— Господа, смотрите!.. кричал воробей.—Он уж задыхается!..

Карл Иваныч рассердился, как еще не сердился во всю свою жизнь. Он метался по двору

Карл Иванович бросился во двор, выделявая отчаянные прыжки...

как сумасшедший, брыкался отчаянно, мотал головой, пока воробью не надоело за ним гоняться.

— Ну, сегодня довольно, — заявил воробей. Эта кочерыжка будет помнить, какой я вор!..

На другой день Карлу Иванычу было очень совестно, хотя он и старался это скрыть. Его лучшему другу, воробью, тоже было совестно. Сколько лет жили тихо и мирно, а тут оба точно с ума сошли. Главное, что все это видели и теперь потихоньку подсмеиваются. Вообще вышла скверная история.

— А ведь виноват, господа, во всем воробей, — заявил первым петух. — Я Карла Иваныча знаю давно... Он, правда, немножко горяч, но конь добрый. Не правда ли?

Утки согласились с ним, хотя ничем и не пользовались от Карла Иваныча. Сена они не ели, а собирать овес по зернышку не умели. Скворец думал тоже самое, хотя это было и не его дело, — ведь, он прилетал сюда только весной, да и то гостем. Другие воробьи молчали. Два-три из них, которые были посмелее, пробовали подлетать к кормушке Карла Иваныча, но он гнал их прочь. И между воробьями есть разница.

На третий день старым друзьям сделалось скучно, особенно воробью. Он так любил овес, а

тут сиди где-нибудь на крыше и поглядывай, с каким аппетитом Карл Иваныч ест свою порцию. Да и другие воробьи смеются.

— Ах, бедняжка! Он привык есть чужой овес... Вот тебе и лучший друг! Теперь поголодай вместе с нами... В огородах еще ничего не посажено.

— Ничего, и без чужого овса не пропадем, — хвастался лучший друг Карла Иваныча.

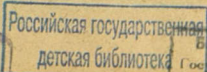
— Посмотрим...

— И посмотрите...

— Все-таки скверно, когда желудок совсем пустой!..

Наступила весна, и воробей успокоился, потому что везде был корм. Какие вкусные зеленые мухи попадались и зеленые черви, личинки разных насекомых, комары-толкуны, — ешь, не хочу! Нужно сказать, что воробей был немного

670736

прожорлив и наедался доотвала. Чтобы посмеяться над Карлом Ивановичем, он таскал к нему в кормушку и зеленых мух, и червей, а раз при- тащил мертвую маленькую лягушку.

— Карл Иванович, пожалуйста...—подал он.—Я не злопамятен. Кушайте на здоровье лягушку... Ведь я—ваш лучший друг.

Карл Иванович делал вид, что ничего не слышит и старался не обращать внимания на озорника-воробья. Пусть его болтает разные глупости! Конечно, иногда было и скучно, хотелось поговорить по душе с кем-нибудь, только не с воробьем. Весной Карл Иванович линял и заметно худел и был склонен к задумчивости.

Прошла весна, наступило лето. У воробья новая пища—ягоды.

— Карл Иванович, вы любите ягоды? Ах, как они вкусны!..

Лето всегда проходило как-то особенно быстро. Не успеешь оглянуться, а уж на дворе осень. Но воробей не жаловался на осень. Еды всякой было достаточно, даже больше, чем летом. На огородах настоящее раздолье, особенно, где были гряды с горохом. Постоянно сытый воробей каждый раз забывал, что в конце

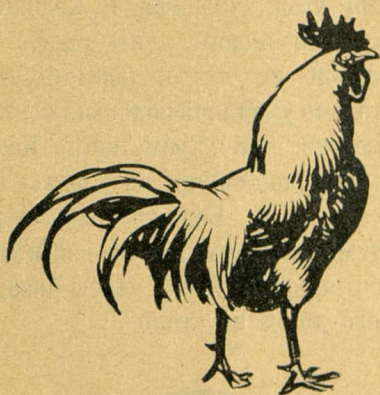

осени начнутся дожди, холода, ветер и закончится все снегом. Он каждый раз удивлялся, когда земля покрывалась снежным покровом. К чему, в самом деле, этот дурацкий снег? Единственным утешением оставалась рябина, да и тут из-за каждой ягоды приходилось драться с дроздами, снегирями и разной другой прожорливой птицей.

— Ну, плохи твои дела, — заметил петух воробью. — С одной-то рябины только живот будет болеть. Напрасно ты, братец, поссорился тогда с Карлом Иванычем... Скоро и морозы начнутся; нас в теплый курятник посадят, а ты на дворе останешься.

Петух несколько раз приходил к Карлу Иванычу и заводил разговор о примирении.

— Ну, поссорились, ну, подрались, чего же сердиться? — уговаривал он. — Нехорошо, Карл Иваныч...

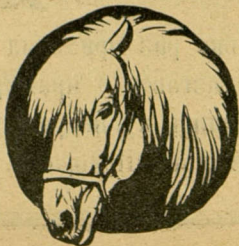
— Вот еще какой мировой судья выискался!.. ворчал Карл Иваныч.—Отваливай по-добру, по-здорову...

— Мне-то что, мое дело сторона, а только зачем вы сердитесь, точно люди?.. Ах, как нехорошо!.. Воробей, конечно, озорник и драчун, только как же можно без воробья жить? Да и стар он, того гляди—околеет...

Карл Иваныч угрюмо молчал, хотя ему и самому давно хотелось помириться. Но все как-то не выходило случая. Ведь он был прав, зачем же ему первому просить извинения? И воробей тоже не желал покаяться...

Наступила зима, суровая и холодная. Воробей голодал и по целым дням сидел нахохлившись. Он больше не лез в кормушку к Карлу Иванычу и только украдкой подбирал зерна, которые падали на землю. Раз утром, когда Карл Иваныч вернулся в свою конюшню, он увидел лежавшего в кормушке воробья. Бедняга был мертв. Карл Иваныч задумчиво тряхнул головой и проговорил:

— Это он нарочно умер, чтобы досадить мне!..
И лучшего друга не стало...

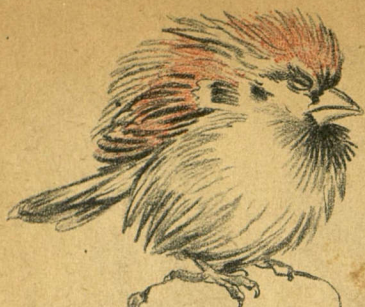
6

- 18 MICH 1942

me
u

Цена 30 коп.

100 =

Год издания 1941 г.

Тираж 10.000.

Отделение Типо-Лит. ОГПУ

имени Г. Горького, Павская, 50. Тел. 1-81-74.